

устрачена; титульные листы скромны, фигуры стройны и благородны; на фоне архитектурного пейзажа, данного в детали-панеле, одна-две величавые фигуры, вокруг которых рассыпаны аллегорические атрибуты цивилизации. Один из первых русских образцов этого искусства можно видеть в латинских «Commentarii Academiae Petropolitanae», один из последних — в обоих томах сочинений Дмитриева (М., 1818), уже на самом кануне эпохи альманахов, оттеснившей в прошлое столетие развитие старой русской титульной живописи.

Боринский (1894) требует специального исследования всего этого вопроса. Появилось ли с тех пор таковое в западной науке, мы не знаем. Но позволим себе настоять на необходимости исследования русских титульных листов эпохи классицизма, исследования не описательного, а принципиального: что такое это искусство? какая эстетика им предположена? какова была его функция? какую систему взглядов оно было призвано пропагандировать? О иезуитских аллегориях Боринский говорит, что они были выражением *der absolutistischen Weltlehre*,⁸⁰ т. е. Грасиановой мудрости.⁸¹ Для нашей эпохи это уже не так. Здесь, по-видимому, пропагандируется единство теоретического разума и гражданского общества; мир закончен; он может и должен совершенствоваться, но развития, истории в нем нет; канон античности сохраняет свою единоспасающую силу; мудрость одинаково воплощена в непрерывно совершенствующемся общежитии людей и в разнообразно-едином откровении наук и искусств; сословия выражают различные идеи единой деятельности; они вечны, потому что восходят к той единственной разумности, от имени которой говорят мудрецы и поэты (басня Менения Агриппы). Аллегии (лиры, циркуль, венок, компас, свиток) выражают, следовательно, убежденность в окончательной разумности основ наличного общественного строя (единственного рационально возможного) и в правильности распределения его функций; они пропагандируют систему догматического (докритического, докантовского) понимания мира, т. е. мировоззрение эпохи абсолютизма, а заодно и политическую его мораль. Поэтому изучение титульной (и вообще всей аллегорической) живописи является важным дополнением к пониманию литературного стиля оды (и регулярной трагедии). Аллегорический титульный лист, как и иллюминационная надпись, есть тоже, в своем роде, младшая, дополнительная, параллель к оде. В «Лаокооне» Лессинг пронизательно заметил, что декоративно-описательной поэзии (Тассо) соответствует аллегорическая живопись. Он боролся с той и другой, потому что обе были выражением абсолютистской эстетики.

Для Ломоносова эта эстетика была не содержанием его развития, а исходным пунктом, от которого и против которого протекло его действительное будущее развитие.

⁸⁰ «Абсолютистское учение о мире» (нем.).

⁸¹ Там же, с. 128.